

Государственный Совет и страхование рабочих

18-го апреля 1912 года Государственный Совет приступил к обсуждению поступивших туда из Государственной Думы законопроектов о страховании рабочих. Обстановка, при которой происходило обсуждение, была самая торжественная. Съезды выступали представители совета министров Кокочев, бывший председатель совета министров граф Витте, бывший министр торговли и промышленности председатель советской комиссии, разсматривавшей законопроекты Тимирязев (он же директор Ленского т-ва), председатель спб. общества фабрикантов и заводчиков Трипольников и другие, несколько менее известные депутаты. Все ораторы находили разсматриваемые проекты чрезвычайно важными со всех точек зрения и умоляли друг друга принимать их с теми или иными поправками. По торжественности речей надо было думать, что от принятия или непринятия разсматриваемых проектов, действительно зависит судьба рабочего класса России, а может быть, и самой России. О содержании законопроектов, странном образом, говорили сравнительно мало. Никто из ораторов не касался рабочего вопроса России из общего, касались только частностей страхового дела. Никто даже не попытался коснуться тех задач законодательства в рабочем вопросе, которые стоят на очереди и которые правительство еще несколько лет тому назад само открыто признавало неотложными. Как будто в России для полного счастья рабочих не доставало только тех жалких проектов по страхованию, которыми занялся Совет. А эти проекты в программе правительства во время существования второй Государственной Думы заняли только ничтожное место. Вот напр., какую программу по рабочему законодательству обещал выполнять П. А. Столыпин в своей декларации, прочитанной 6 марта 1907 г. перед второй Государственной Думой: «Хотя преобладающим по численности населением у нас является население сельское, но правительство считает настоятельно необходимым принять в законодательном порядке ряд мер и по отношению к рабочим».

В основу предполагаемой реформы положены признание безусловной необходимости положительного и широкого содействия государственной власти благосостоянию рабочих и стремление к исправлению недостатков их положения.

Разсматривая рабочее движение, как естественное стремление рабочих к улучшению своего положения, реформа

должна предоставить этому движению естественный выход, с устранением всяких мер, направленных к искусственному его поощрению, а также стеснению этого движения, поскольку оно не угрожает общественному порядку и общественной безопасности.

Поэтому реформа рабочего законодательства должна быть проведена в двухком. направлении: в сторону оказания рабочим положительной помощи и в направлении ограничения административного вмешательства в отношения промышленников к рабочим, при представлении как там, так и другим необходимой свободы действий через посредство профессиональных организаций и путем ненаказуемости экономических стачек.

Главнейшей задачей в области оказания рабочим положительной помощи является государственное попечение о неспособных к труду рабочих, осуществленное путем страхования их в случаях болезни, увечий, инвалидности и старости. В связи с этим наметена организация врачебной помощи рабочим.

В целях охранения жизни и здоровья подрастающего рабочего поколения, установленные ныне нормы труда малолетних и подростков должны быть пересмотрены с воспрещением им, как и женщинам, производства ночных и подземных работ. В связи с этим установленную законом 2 июня 1897 года продолжительность труда взрослых рабочих предполагается ограничить».

Вот что говорило правительство 5 лет тому назад.

Где же все эти обещанные реформы?

Где свобода стачек и профессиональных организаций? Где страхование рабочих от инвалидности и старости? Где защита детского и женского труда? Где сокращение рабочего времени для взрослых?

Вместо всего этого рабочих сотнями сажают в тюрьмы, подвергают ссылкам и, даже, расстреливают за участие в «ненаказуемых» экономических стачках. Свобода профессиональных организаций захлопнута замком у охранного отделения. О защите детского и женского труда представители министерства правительства боится даже заикнуться. А требование о сокращении рабочего времени, по 8 часов в сутки объявлено политическим требованием, т. е. государственным преступлением.

И вот при таких условиях жизни рабочего класса раздается высокопарная речь господствующей верхушки законодательной палаты с громадным значением для рабочих обсуждаемых ныне Государственным Советом за-

конопроектов об обеспечении рабочих на случай болезни и увечий.

Смысл этого действия простой: терпите, господа рабочие, когда с вас дерут последнюю шкуру. Мы тем временем будем о вас проносить красивые речи!

Чл. Гос. Думы А. Предмагальн.

Контроль рабочих.

Газета может считаться рабочей тогда, когда она, помимо всего прочего, находится в поле контроля рабочих.

Рабочие организации должны направлять газету, указывать ее недостатки, предъявлять к ней требования.

Это ни о ком не спорить.

Дальше встает вопрос: какие именно рабочие организации должны контролировать какую газету?

Возьмем для примера профессиональные журналы: «Металлист», «Печатное Дело» и др.

Ясно, что профессиональный орган металлистов должен контролировать себя союзом металлистов, а не булочников, не текстильщиков. Орган текстильщиков должен контролироваться их же союзом, а не союзом конфекчиков или печатников.

Но есть организации, куда входят и металлисты, и булочники, и конфекчики. Таковы просветительские общества.

Могут ли профессиональные журналы быть отданы под контроль просветительских рабочих организаций? Сомнительно.

А если, кроме просветительских организаций, возникнут рабочие организации-увеселительные?

Могут ли профессиональные органы быть отданы под контроль театральные или певческие рабочих организаций?

Ясное дело, что нет.

Газета должна и может быть контролируема только такими рабочими организациями, которые составлены для той же цели, для какой издается газета.

Следовательно, и газета политическая может и должна быть под контролем только организаций политических, — конечно, своей же партии.

Отдавать же политическую газету под контроль беспартийных рабочих организаций, — профессиональных, или просветительских, или увеселительных — это почти то же, что отдавать орган металлистов под контроль булочников или орган булочников под контроль металлистов.

Следует ли, однако, из всего сказанного, что непартийские организации и их члены должны быть безучастны к политической рабочей газете?

Конечно, нет!

Но они должны стремиться не к контролю, а к влиянию и к воздействию на газету.

Они могут воздействовать сотрудничеством, советами, указаниями, требованиями, резолюциями, поддержкой или не поддержкой и т. п.

И всякая разумная редакция должна будет считаться с мнением массы своих читателей.

А. Витимский.

Как людей оболванивают.

Есть в Петербурге две газеты кадетской партии: «Речь» и «Современное Слово».

Обе печатаются в одной типографии: одна и та же статья в тот же день печатаются в обеих газетах.

Но есть между ними и разница.

Во первых, «Речь» — большая и дорогая газета, а «Современное Слово» — поменьше и дешевле.

Во вторых, «Речь», поэтому, читается доземами и высшими служащими, а «Совр. Слово» низшими служащими и рабочими.

Есть и третья разница. Чтобы заметить ее, нужно взять обе газеты за один день и сравнить их.

Беру для примера эти газеты за 21 апреля.

В «Современном Слове» кадеты — друзья рабочих и низших служащих: соловьем заливаются!

Посмотрим, что они же пишут в «Речи». Вот статья «Что делать дальше?» Слушайте:

«Революционный шквал отразился на русских железных дорогах колоссальнейшим падением производительности труда низших служащих наряду с повальным лавиновым окладом, — и, что особенно важно, полнейшим растерянностью начальствующих элементов».

Автор статьи очень недоволен, что «революционный шквал» 1905 года повисил оклады низших служащих и облегчил их труд. Но, как известно, за революционным 1905 годом последовали годы вешания, тюрьмы и отобрания у рабочих многих завоеваний 1905 года: это называлось «успокоением». И автор в «Речи» радуется: «Дальше развалить надо уже не мог. Вместе с успокоением пришло постепенное и естественное восстановление разрушенного, пришел даже некоторый прогресс против дореволюционного периода».

По инициативе одного из талантливейших русских инженеров, бывшего начальника эксплуатационного отдела, ныне уже покойного, М. С. Филоменко, в службу движения на наших дорогах пошла энергичная инженерная молодежь. Последняя в короткий срок произвела форменный переворот в

ведении дела и дала прямо колоссальную экономию в расходах».

Рабочим и низшим служащим очень хорошо известна эта «экономию в расходах». Кадеты в «Речи» радуются, что после «революционного шквала» началась прижимка рабочих и низших служащих, началась «экономию в расходах».

Конечно, статья «Что делать дальше» появилась только в «Речи», а в «Современном Слове» она не напечатана.

Теперь видно, в чем третья разница между «Речью» и «Современным Словом». Именно: кадеты в «Речи» прямо и открыто защищают интересы капиталистов, а в «Современном Слове» те же кадеты оболванивают рабочих и низших служащих ради интересов капиталистов.

Сознательные рабочие и служащие должны объяснить эту разницу тем служащим, которые читают «Современное Слово».

В.

Экономическая жизнь.

Расплата талонами. Как сообщают газеты, не только в Ленском товариществе, но и на Урале и за Уралом на многих горных заводах в последние годы введена расплата с рабочими талонами вместо денег. По закону за это, в случае протеста рабочих, козлись или завладевший подвергается аресту до 3 месяцев; а на деле, как известно, рабочие подвергаются расстрелу.

Недостаток чугуна. На юге России идет усиленная работа по расширению доменных печей: количество рабочих в металлургии возросло там с 59 до 69 тысяч. Тем не менее ожидается нехватка чугуна. Московские заводы и фабриканты просят о продлении закона о льготном привозе заграничного чугуна до 1 июля 1913 года.

Мануфактурное дело. В Москве фирмой Л. Кноп и Ярославской мануфактурой понижены цены на миткаль и пражу. Ожидается сокращение производства на хуже оборудованных фабриках, а может быть и закрытие некоторых из них. Чувствуется переизобилие.

В каменистом угольном бассейне донецкого района сильное оживление вследствие английской забастовки, вздорожание нефти и проч. Морское ведомство купило около 3 миллионов пудов для петербургских заводов.

Повышение цен на железо за границей началось в Америке и Бельгии, перекинулось в Германию и Англию. Спрос очень оживленный.

ЗАВОДЪ.

Повищаются рабочим неволе района
Одтый дымоход, точно тайной,
Завод — градушаго залог,
Преддверье в стех необычайный
Всегда в ходу. И шум, и грохот
Неумолкающих машин;
Станков, приводов адский дохот
И лязг по рельсам скользких шин.
В прокатном цехе глыбой белой
Течет расплавленный металл,
Расплавлен в лист рукой умлой
Он брошен вновь под грузный вал.
И снова вал летит по стали,
И искры сыплются кругом,
И из дымащей сиральной вали
Несется снова шум и грохот.
И в этом шуму легкой яркой
Горячей, гибкой, как змея,
Из адской печи жаркой
В дыму и в ласти огня
Течет металл: кривая восьмеркой
Вокруг рабочего шипит
И, покрывая красной коркой,
Ручей обрешет, алая бьет,
И все дрожит: от стн строений
До самых маленьких винтов
И до бесчисленных сплетений
Ремней, зубцов, колес, станков.
Упорный труд кипит повсюду,
Пост в плаз и молот бьет.
Подвозят краны желта груду,
И вылетает парь речет.
Толпы рабочих с стонь-птьнем,
Желтых балок ряд влекут,
Как муравья повсюду с ремнем,
Как сть штангоуты лова ткнут,
Приладать, скривлять все болтами,
Потом желтзную всю сть
Одтнуть алотинны листами,
Чтоб снова все броей одтть.
Вот крик усталый раздается,
Вот шум охрипших голосов,
Вот ругань страшная несется...
Сорвался кто-то там с ябонь...
Как будто тише из мгновень...
Но неудачник убрал прочь,
И снова труд и вновь движенье.

Пока не выгонит стьз ночь.
Одтый дымоход, точно тайной,
Завод над городом парит,
Преддверье в стех необычайный,
Он власти города грозит.
И в этом дыме и тумане
И в ярком пламени горюче,
Как капля в бурном океане,
Таятся грезы свблтых слов.
И в шум тысяч созвучий
Машин и стьлтых голосов
Скрыты борьбы волники могучий,
Осуществляемые грезы стьков.
То, как чудовище, ужасный
Порой колышет завод,
То, как свершение, прекрасный,
Организует он народ.
В дыму, облитый потом, кровью
Кует мечи он для борьбы,
Чтобы желтозом и любовью
Разбить оковы злой судьбы.
Одтый дымоход, точно тайной —
Завод — градушаго залог,
Преддверье в стех необычайный
И битый рьшительных пролог.
Завод волшебника сознанье:
В нем сотни рук и сотни ног,
Отданный двор и цех, и здание,
Станков, и крик, и каждый вздох.
И ходы плем, и лязг машин —
Сам по себ без смысла звук,
В связи — величие картины,
Где труд кует свой мечь средь мух
В завод много отданней,
И груб, и горюче, и печей,
Колес, машин, приспособлений,
Станков, лебедок и ремней.
Завод начнет всегда с модели,
Затем разнесит по цехам
Идею быстро: дни, недели
И даже годы труд «рукам».
Одн из них скелет рождает,
Другия мускулы куют,
На «сборке» нервы собирают,
В литейной сердце огельют.
Из тысяч взмахов рук рабочих
Корабль вылетит — гордый влд
Чарует царственные очи,
Но в «руках» работ молчат.

А, вьд, он в завод рубить,
Все точат, рьжут, в форму льют,
И жизнь, за грош несчастный, губят
И сытым счастье создают.
И рук там этих много, много...
Как новый раб, рабочий люд,
Грязны, угрюмы, мрачны, строги,
Как скот, ярмо свое несут.
Все задняя задняя... Пролетает
Для паровозов сть путей
И цех за цехом вымывает
И парь, и дым своих печей.
И всюду люди... говор, крик...
Десятки тысяч человек,
Как здрь волшебный, многоликий,
Куют дорогу новый вьд.
В литейной дерево пылает,
В вагранке плавится металл,
И искры каскады посылают,
Готовы формы, дань сигнал!
И, как черт рычавших стад,
Толпа людей, угла чертй
Бьжит, шумит, огнем играл;
То погасая, то вситй,
Рька горячая несется
И языками пламя вылетает.
Как дьявол, мастер изрыгает
Хулу и матерную брань
И очень часто простирает
Он кой над ким с угрозой лавь.
Здесь бог огня везд парит,
Металл бьжит шипит, горит.
И, в форму странную, вливается,
Рождает сердце корабля,
И искры каскадом свещался,
Дымится сиралом вся земля.
Вода струей колодной летит,
Сь земля встает и чает и парь,
И в форм новой создается
Капитализма новый ларт.
Так старый мир, землей владет,
Вз окопах рабских держит труд,
Но звеня тьз стней, оживет,
Уж скоро, скоро улетит.
В дыму, облитый потом, кровью,
Завод в мир вызывает для борьбы,
Чтобы желтозом и любовью
Разбить оковы злой судьбы.
Влад. Нееский

«Лена.»

Давно ли это было?
Еще у стьх в памяти ужасная
Рыковская катастрофа с сотнями чело-
веческих жертв.
Еще не остыли трупы рабочих, по-
гибших на рудниках «Итальянка».
А уж снова трупы, — горы трупов,
стоны раненых и море человеческой
крови, — рабочей крови!
Там, на далекой окраин, в глу-
хой сибирской тайге разыгралась кро-
вавая драма. Сотни рабочих, жизни
принесены в жертву ненасытному ка-
питалу, — бержевым спекулянтам.
Сотни жерв в дтвей оставлены без
своих кормильцев, без крова и при-
та на производь сульбы.
Гг. Гинзбурги, Тимирязевы и из
«благородных» английские друзья-жорды,
набивая свои карманы золотом, обильно
политым кровью русских рабочих,
забывают об одном, — исполнять за-
коны, созданные самими же гг. Тими-
рязевыми. Для них закон не писан,
они и здесь, в центр России, что
хотят, то и творят, а там, в глу-
хой сибирской тайге, им и Бог ве-
дль. И что удаляется, если г. Бело-
зеров продавал в завалх Ленского
т-ва негодобозымаема части конка-
го мяса; вьд он на Лен «шар и
Бог», «кум королю, сватъ губерна-
тору, его слово — закон». А если ра-
бочей не подчиняется и не кушает сн
предсти, то мировой, он же и с л
д о в а т е л ь, выселет рабочих с
присков, или, точнее говоря, прису-
длет к смертной казни. Ибо, куда
пойдет рабочий, выселенный из козья-
ских жилищ, когда других помь-
шенй кровь присковых там нетъ,
а кругом на тысячу верст тайга.
Товарищество завело черные списки,
уничтожило болыну и всю медли-
скую помощь село на вьд. Черный
непробавный лтьз продавали по 5 к.
за фунт, соль продавалась 6 к. за
фунт.

Жилищная помьшеня не освещались,
грубое нечеловеческое обращение, до-
ходящее до битья нагайками! Вместо
денег, — талоны, беспощадные штрафы,
немолчаливая линия рабочего дня и т. д.
Таково было положение рабочих на
Ленских приисках, а еще изумитель-
нее было их терпение. А когда это не-
человеческое терпение лопнуло и рабо-
чие забастовали, ленские заправды за-
вопиди, — помилуйте, забастовка носить
не только экономической но и полити-
ческой характер.
Рабочие требовали, чтобы их, вме-
сто битья нагайками, называли на
«вы» — так звалили гг. Тимирязевы,
требуя усиления воинских ча-
стей. Желание инших ленских
заправил исполнено, войска усилены,
миро забастовавшие рабочие расстрь-
ляны.
«Подкладка забастовки не экономи-
ческая, а политическая, ибо там были
агитаторы, вторять гг. министры. А
имь подтвывают казенные лже-патри-
оты съ высоты думской трибуны: «ло
нась зощил слухи, что средь рабочих
распространялись прокламация и была
организована боевая дружина!»
Еще день, два — и появится сообщение,
что ленские рабочие, да и рабочие всей
России, протестуют против ленских
звстрств, бастуют на американско-
еврейския деньги...
Что же тут удивительного, имъ
не первый раз выступать сь подоб-
ного рода заявлениями!
Еще слышны стоны раненых, еще
слышны вопли жен в дтвей убитых
рабочих, еще слышны только что
прокатанная рабочая кровь... А уж здесь,
в Петербурге, в «высокой палате»
спьшат заявить: «Так было, так
будет и впредь».
Так было, но будет ли впредь? —
На это уже отвьтили рабочие всей
России.
Чл. Гос. Думы М. Захаров.